

Книги Андрея Васильева
в серии

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

Цикл

«А. СМОЛИН – ВЕДЬМАК»

**ЧУЖАЯ СИЛА
ЗНАКИ НОЧИ
ТЕНЬ СВЕТА
ЧАС ПОЛНОЛУНИЯ**

Цикл

«УЧЕНИКИ ВОРОНА»

**ЗАМОК НА ВОРОНЬЕЙ ГОРЕ
ГРОБНИЦЫ ПЯТИ МАГОВ
УЧЕНИКИ ВОРОНА. ОГНИ НАД ВОЛНАМИ
УЧЕНИКИ ВОРОНА. ЧЕРНАЯ ВЕСНА
СЕЯТЕЛИ ВЕТРА**

Межавторский цикл

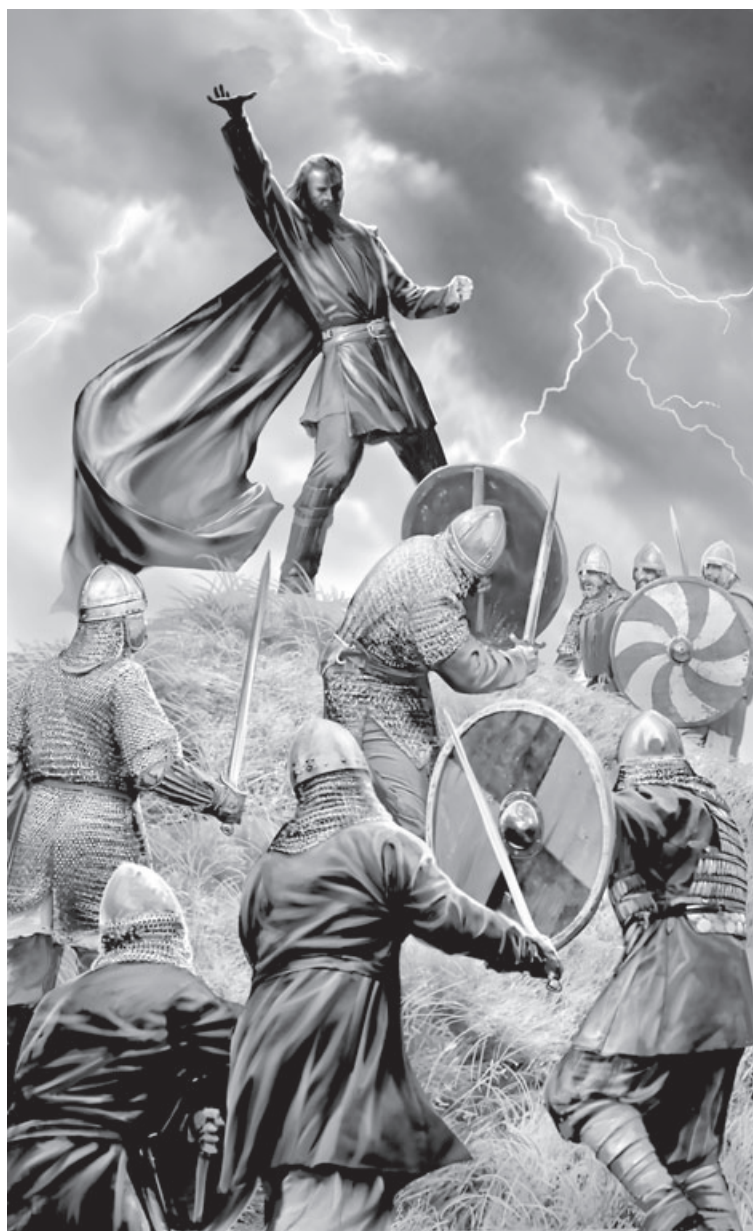
«КОВЧЕГ 5.0»

Андрей Васильев

**МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ
ДОРОГИ СУДЕБ
ВРЕМЯ РОКИРОВОК**

Дем Михайлов

ЖИРДЯЙ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ЧАС
ПОЛНОЛУНИЯ

РОМАН

Москва, 2019
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В19

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1170

Художник
И. Воронин

Васильев А.

В19 Час полнолуния: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 281 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2915-8

Чем дальше, тем больше погружается новоиспеченный ведьмак Александр Смолин в тайны мира Ночи, и полученные знания не всегда его радуют. Просто он все сильнее осознает, насколько его новая жизнь отличается от привычной старой. Причем не просто отличается. Она делает из него совсем другого человека, не того, что был раньше. И пока не совсем ясно, к добру это или нет.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Андрей Васильев, 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2915-8

*Этот роман автор с благодарностью посвящает
Елиферовой Виктории Львовне, человеку с золотым
сердцем*

Все персонажи данной книги выдуманы автором.
Все совпадения с реальными лицами, местами,
банками, телепроектами и любыми происходивши-
ми ранее или происходящими в настоящее время
событиями не более чем случайность. Ну а если не-
что подобное случится в будущем, то автор данной
книги тоже будет ни при чем.

ГЛАВА 1

— В кабинете сейф, — прошептала Жанна, устраиваясь на скамейке поудобнее. — Сама видела. За картиной спрятан, вот там все, про что я тебе рассказала, лежит. И жесткие диски, и бумажки, и пакеты с фотографиями. Знаешь, словно в сериале! Ну, из тех, что по «России» идут.

— За картиной, значит, — повторил я. — А за какой? Или у него в кабинете она только одна и есть?

— Нет-нет-нет. — Жанна помотала головой. — Там их штук семь, все старые и в красивых рамах. А на этой кораблик плывет, и вулкан огнем пыхает! Этого картинка, как его... Кипрского!

— Может, Кипренского? — уточнил я.

— Может, — не стала спорить Жанна. — Там к раме пластиночка золотистая была приклеена, а на ней фамилия художника. Просто живопись — это не мое, понимаешь? Я не чувствую ее месседж, не вызывает она у меня ярких эмоций.

Конечно, я мог бы сказать что-то вроде: «Стыд и срам, великих отечественных живописцев надо знать», — но это было бы не очень честно. Спроси у меня названия хоть пяти картин этого самого Кипренского, и фиг я их назову. Я фамилию эту знаю только потому, что как-то по телику передачу от нечего делать про него смотрел. Впрочем, имя Кипренского я запомнил — Орест. Почти Эраст, как Фандорин.

И это неправильно. Уровень образования, разумеется, надо поднимать. Вон даже серьезные бизнесмены и те культуры не чуждаются. В домашних кабинетах творения классиков жи-

вописи вешают, прячут за ними сейфы, в которые самое дорогое помещают — ключи и пароли от банковских счетов да жесткие диски с компроматом на соратников по бизнесу. Значит, доверяют творцам, признают, что искусство — великая сила.

Надо Третьяковку посетить, что ли? А то как там во времена учебы в школе побывал один раз, так больше даже рядом не проходил.

— Месседж — он такой месседж, — согласился я с Жанной. — Если его нет, то дело труба. Слушай, не хочешь со мной в Третьяковку сходить? Побродим по залам, картины поглядим. Шишкин там, Репин, Врубель. Может, сейчас тебя искусство цапанет?

— Врубель? — оживилась Жанна. — Прикольная фамилия. А что он рисовал?

— Разное, — расплывчато ответил ей я. — Но ты не сомневайся, он реально продвинутый художник. Прикинь, даже его наброски очень недешево стоят. У нас один крендель в депозитари такой держал, я слышал, как про это мой коллега Витод Дашке из залогового рассказывал. И еще о том, что этот самый набросок одновременно у нас в сейфе под замками лежит и еще в какой-то галерее висит. Там духовное, у нас — материальное. Вот такой вот дуализм.

— Дуализм — это в старые времена было. Это когда из пистолетов стреляют друг в друга, — поправила меня Жанна. — Пушкина так убили. Поэта. Ему за это памятник поставили!

— Да ты просто кладезь знаний, — польстил я девушке. — Второй месяц с тобой общаюсь и не устаю удивляться столь могучему интеллекту.

— Ну да, — загордилась та. — Или ты думаешь, что все модели — тупые?

— Да ни боже мой! — всплеснул я руками. — Впрочем, есть такие. Но только те, которых ты не любишь. Вот они — все дуры!

Жанна заулыбалась и приосанилась. Причем зря. Так было хуже, потому что опять стала хорошо видна ее неестественно вывернутая шея. Оно и понятно — когда тебя столкнут с лестницы и ты крайне неудачно стукнешься о ступеньку, всегда так получается. Понятное дело, там сместилось все, что можно. Как там оно называется? Я не патологоанатом, правильных формулировок не знаю.

Впрочем, хорошо еще, что ревнивая жена, выследившая, как Жанна планомерно уводит ее мужа из семьи, по черепу ей пару раз молотком не саданула. Шея еще ничего, а вот дырки в голове — это перебор. Кому на такое глядеть захочется?

Я бы точно не пожелал и тогда, в конце февраля, даже и не подумал бы остановиться рядом с призраком печальной девушки, сидящим на лавочке в зимнем парке. И уж тем более не стал бы с ней заговаривать. А тут мне ее жалко стало. Сидит, понимаешь, такая красивая и неприкаянная, просто символ вселенской грусти. Уж на что я вроде очерствел сердцем к этим призракам, которые только и ждут того, чтобы с ними в разговор вступили, но здесь меня прямо как подменили.

Правда, потом выяснилось еще и то, что она невероятно рассеянна, забывчива и, признаться, немного недалекая, но это все мелочи. Кто из нас идеален? Да никто.

Жанна, кстати, даже в бродячие призраки попала по причине собственной несобранности. Почему сразу после смерти не ушла — не знаю, но потом... Это песня!

Она родом не из Москвы, а из какого-то далекого города. Обычная история — приехала поступать в театральный, не поступила, но после по баллам все же прошла в какой-то строительный вуз. Уж не знаю, как, но все же проучилась там три года, попутно где-то по подиуму вышагивала и в результате пала от руки всплывшей жены очередного любовника.

Так вот, за телом, как водится, приехали родители, но свинцовый гроб для перевозки решили не заказывать, потому кремировали бедняжку прямо тут, на столичной земле. И урну с собой увезли в тот же день.

Вот этот самый момент Жанна прозевала. Если бы ее тело туда, домой, целиком увезли, то и душа за ним бы последовала, таковы законы бытия. Но тело-то сожгли! Нырни душа в урну с пеплом в тот момент, пока ее завинчивают, — тоже улетела бы, пусть и безбилетным пассажиром, а после ошивалась на том кладбище, где урну закопают. А теперь — все. На столичные кладбища ей вход закрыт, она там никто и звать никак. Домой не улетишь — сожгли-то ее тут. Прописочка, так сказать, теперь московская. Как говорят в народе — ни богу свечка ни черту кочерга. Есть отчего загрузить.

А знаете, почему она кремацию пропустила? Решила посмотреть, кого вместо нее на каком-то там показе поставят

одежду демонстрировать. Я когда это услышал, сразу понял — полезный мне призрак попался, грех такой к рукам не прибрать. И вот с тех пор она мне служит. Причем не за ту награду, о которой меня обычно ее собратья по несчастью молят, а, если можно так сказать, из идейных соображений. Просто все ее забыли, а я с ней дружу.

Еще мне кажется, что она до сих пор так и не поняла, кто я такой и что могу для нее сделать. А я рассказывать не особо спешу. Зачем?

— Весна. — Жанна мечтательно улыбнулась, глядя на почти полную луну. — Если бы не смерть, я бы сейчас на распродаже вещей из зимней коллекции прошлого года ходила! Там знаешь какие скидки в апреле бывают!

— Да, весна, — согласился с призраком я. — Наконец-то!

— Слушай, а давай мы с тобой в «Манго» съездим? — вдруг предложила Жанна. — Вместо Третьяковки? Там интереснее, честное слово!

— Подумаю, — уклончиво ответил я. — Вот выходные наступят, и станет видно.

— Да, а ты код от замка будешь записывать? — чуть погрузнела мертвая девушка, как видно поняв, что не собираюсь я никуда с ней ехать. С призраками в этом плане просто — чуть потускнело сияние вокруг них, значит, настроение изменилось. — Я его запомнила на всякий случай. Правда, уже не скажу, что раньше — буквы или циферки. Но всегда можно попробовать сначала так, а потом по-другому.

— Нет, — отказался я. — Лишние знания увеличивают скорбь. Мне важен факт того, что этот красавец на самом деле компромат на ближних своих собирает. А коды и все прочее — это не по моей части. Я же не промышленный шпион, правда?

— Не знаю, — передернула плечами Жанна. — Мы с тобой еще не настолько знакомы. Может, и шпион, почему нет? Я бы вот хотела шпионкой быть, они все время за границей живут и по самым-самым лакшери-местам ходят! Я себе часто представляла, как вхожу в зал казино где-нибудь в Монте-Карло, на мне вечернее платье с воланами, вот тут и...

— Понял, — остановил я поток сознания, полившийся на меня. — Девичьи грезы — это прекрасно. Но пока помолчи. Мне надо подумать.

Один из немногих позитивных моментов общения с мертвыми женщинами — им в таком состоянии реально можно приказать замолчать. И они это требование выполняют!

Сомневаюсь, что, останься Жанна живой, я бы вот так просто от нее отделался. Был бы скандал, рекой лились бы обвинения в моем равнодушии и нежелании жить ее жизнью. Да что там! В своем предыдущем воплощении она бы со мной даже знакомиться не стала. Не снизошла бы. Мелковат я по ее меркам — и физически, и материально. А нынче вон рядом сидит, молчит, на звезды смотрит.

Хотя да, звезды нынче хороши. Луна как огромная тарелка с сыром над головой висит. И запах. Этот волшебный запах проснувшейся от зимней спячки земли. Весна пришла вдруг, как это обычно и водится. Совсем недавно дули ветры и метели метели, небо было затянуто серыми нескончаемыми тучами, а уставшие от бесконечной зимы горожане каждое утро начинали с того, что костерили синоптиков, которые обещали им «непривычно раннюю весну» еще месяц назад. А она все где-то задерживалась, как видно желая немного поиздеваться над людьми.

И в результате нагрязнула внезапно, когда все уже решили, что и в этом году на майских снег идти будет. Одним прекрасным утром люди, выглянув в окна, увидели в небе яркую лазурь, сменившую привычный серый фон. Снег начал таять с невероятной быстротой, птицы, ошалевшие от таких перемен, неумолчно галдели круглые сутки, а девушки моментально сменили зимние наряды на короткие одежды, заставляя смотреть себе вслед даже стариков, которые давным-давно перешли из разряда «боевых» в разряд «холостых». И это я не о семейном положении.

Да я и сам еще две недели назад ходил в опостылевшем мне пуховике и зимних ботинках, а сейчас сижу на скамейке у подъезда в легкой курточке и кроссовках, вдыхая ароматы нового апреля.

Хотя, если совсем уж начистоту, все было не настолько и плохо. Да что там! Интересная зима выдалась, чего скромничать. Например, я с удивлением выяснил, что совершенно перестал мерзнуть. То есть не брали меня больше морозы, даже при минус двадцати я запросто мог без перчаток ходить. Ясно, что жителей Крайнего Севера таким не удивишь, но для чах-

лого москвича, поверьте, это достижение. В чем секрет, так и не разобрался. То ли потому, что дело с мертвыми имею, а они, как известно, не мерзнут, то ли потому, что с Мораной спутался, а она ведь в прошлом как раз за холод и зиму отвечала. Но о Моране — чуть позже. Там отдельный разговор.

Еще я пытался найти на заснеженных улицах Ледяного Старика, того, о котором столько легенд осенью услышал. Но неудачно, так мы с ним и не пообщались. Хотя, может, и к лучшему это. Кто его знает, чем дело могло кончиться? А вот его слуг я слышал. Тех, что в метелях живут и которых снежными душами называют. Верно, воют они протяжно и страшновато. И людей не любят, это тоже факт. Полагаю, тут дело в зависти. Они же помнят, что раньше дышали, ходили, любили, что кровь у них горячая по венам текла, а теперь все, что им осталось, — носиться по темным улицам да снежинки гонять, и то исключительно зимой. Тут поневоле взвоешь и озлобишься. А после решишь — если не тебе, так и никому.

Меня они тоже попробовали закружить, но ничего у них не вышло. Да и вообще — трезвому человеку бояться этих снежных теней не нужно, максимум, что они могут, — с пути его сбить. А вот пьяным в сильную метель, особенно январскую, лучше не соваться. Добра из этого не выйдет.

Январь — это вообще что-то с чем-то! Сначала грянул веселый Карачун, старт которого я созерцал в Коломенском, когда участвовал в «диких скачках», пытаюсь наложить лапу на снежный цветок. Расцветает там такой раз в год, на закате первого дня января. Большой силы цветок, многие хотят на него свою лапу наложить, потому мероприятие вышло веселое и беспринципное. Мне лично пуховик порвали и нос расквасили в давке. Я, правда, тоже кому-то глаз подбил, так что в долгу не остался. А цветок так в руки и не дался, его какая-то юная и симпатичная ведьмочка из Выхина зацапала в результате. Но это ладно. Что там к ночи началось, какие типажи из Голосова оврага полезли! И, главное, в парке народа гуляющего полно, на горке детвора на «ватрушках» с визгом гоняет, на открытой сцене концерт идет, певец кричит, что не видит рук любезной публики, а по соседству с этим всем зимняя нежить из-под коряг на белый свет ползет. Точнее, на лунный свет. Феерия!

Но это все ерунда по сравнению с тем, что случилось позже, в конце января. Оказывается, у домовых тоже есть свой профессиональный праздник. Да-да. Двадцать восьмое января. Вы знали про это? Я нет. Ох, как же широко и весело они его отмечали! Я, кстати, вспомнил — в том году аккуратно в этих числах у нас в доме трубу прорвало. Теперь понятно почему.

И в этом тоже без приключений не обошлось. Нет, началось все чинно-благородно — застолье на чердаке, пение песен, которые остальным жильцам слышны не были, а мне — наоборот; пьяный Родька, притащившийся ближе к полуночи ко мне затем, чтобы сказать, что он еще немного задержится, потому что они с ребятами сейчас еще гулять пойдут и в снежки играть. Нет-нет, я не осуждаю. Все понимаю, сам на день банковского работника веду себя не лучше.

Но зачем они после отправились стенка на стенку с подъездными из четырнадцатого дома устраивать?

Результат — два выбитых лобовых стекла у машин во дворе, воющая сигнализация остальных, сгоревшая детская горка. И два висяка у местного отделения полиции. Ни подозреваемых, ни свидетелей.

Мало того, подъездные поутру еще и за молоденькими жилищками в душе подглядывали, чего в обычные дни себе никогда не позволяли, а после в чьей-то пустой квартире телевизор смотрели. Боюсь себе даже представить, что именно.

В результате мне пришлось всю эту компанию квасом похмелять. Точнее, сначала за ним в магазин сходить, а уж потом отпаивать. Вот куда это годится? Так что Карачун на фоне Дня домового — фигня. Как, кстати, и День десантника.

Но в целом это все вносило разнообразие в мою жизнь. А в ней имелись проблемы и посерьезней.

Например, все та же госпожа Ряжская, так и не оставившая своих попыток сделать из меня гибридный аналог доверенного лица и комнатной собачки. Нет, к настоящему моменту она наконец-то поняла тщетность своих попыток. Вернее, что время упущено. Ей бы тогда, в октябре, подналечь посильнее, пустить в ход тяжелую артиллерию в виде... Даже не знаю... Ну, что-нибудь совсем уж мощное, пробирающее до костей изобрести. Фантазия у этой женщины бурная, придумать можно было. А теперь — все. Эта зима многое изменила — и вообще и во мне.

Я перестал бояться. Не то чтобы совсем, поскольку страх — наш господин, и человек может от него избавиться, лишь умерев. Если вам кто-то говорит, что он ничего не боится, то знайте — этот человек либо лгун, либо псих. Третьего не дано.

Но зато можно избавиться от огромного количества страхов, которые ты сам себе придумываешь. Надо просто перейти некий барьер, за которым приходит понимание двух вещей — мы все боимся в основном того, чего не стоит бояться, и мы все стремимся к тому, к чему не стоит стремиться. Хотя вопрос цели жизни индивидуален, тут я погорячился, пожалуй. Все мы разные, и понимание счастья тоже у каждого свое. У кого хлеб черствый, у кого жемчуг мелкий.

А вот страхи... Забавно вспомнить, что раньше вселяло в меня ужас. Например, опоздание на работу. Или то, что люди про меня плохо думать станут. Да пусть думают что хотят. Тем более что в большинстве случаев оно так и есть. Каких только гадостей я про себя не наслушался за последнее время, какую чушь выдумывают люди! Мои соседки по кабинету, Наташка с Ленкой, эти слухи теперь коллекционируют, в обязательном порядке информируя меня о новых версиях того, как именно и почему я оказался в фаворе у собственников. Кстати, я сам больше двух версий сроду бы не придумал. Впрочем, тут выбор вариантов невелик, на мой взгляд, — либо я, либо меня. Первый почетней, второй современной. Но нет! Такое иногда выдают — волосы на теле дыбом встают. Например, то, что я в свое время сыну Ряжской жизнь спас, а как меня зовут, не сказал. Тут, в банке, она меня увидела, опознала и теперь вот наверх тянет. Как по мне, феерический бред. Но в него верят! И плевать, что у Ряжских и сына-то никакого нет.

А самое забавное, будь я по другую сторону баррикад, тоже шушукался бы по углам и, возможно, даже выдвинул бы свою версию происходящего. Такова человеческая природа.

Хотя следует признать, что в знатоки-душеведы мне записываться пока рановато. Ничего я про тайны людской сути не знаю, как показал опыт. Просто мне недавно пришлось покопаться в голове у одной сотрудницы банка, так лучше бы я этого не делал. На вид — милейшая барышня. Тихая, невзрачная, безобидная, безответная, про таких говорят: «Кому-то хорошая жена достанется». Ага. Слышали бы вы ее мысли.

Иной маньяк, думаю, на ее фоне выглядел бы мальчиком, который скачет на палочке, держа во рту леденец.

Как же она ненавидела всех нас! Вообще всех! Даже тех, с кем по работе не сталкивалась, вроде меня. Мало того что ненавидела — она вполне серьезно прикидывала, сколько яда надо всыпать в баллон кулера, чтобы переморить половину офиса. Нет-нет, делать она этого не собиралась, разумеется. Просто привычно рассчитывала дозу, попутно представляя себе, как каждый из нас будет умирать. И это был только один вариант геноцида местного значения. Уверен, что имелись и другие.

При этом она всегда всем улыбалась, никому в помощи не отказывала и говорила так тихо, что ее еле-еле слышать можно было. «Тихоня» — так ее называли в бухгалтерии, а уж там всем давали куда более злые прозвища.

Когда меня Ольга Михайловна спросила о том, могу ли я читать мысли других, я в жизни бы не подумал, что речь идет именно об этой девчущке. Даже возражал Ряжской, убеждая ее, что тут какая-то ошибка и Геннадий зря на это божье создание напраслину наводит.

Впрочем, все равно согласился помочь, поскольку давно хотел провести эксперимент с зельем, которое помогает в голову к другим людям залезть. Сварил я его еще в январе, сразу после того, как рецепт узнал, но все как-то руки не доходили до практических опытов. Плюс еще там ограничение имелось на использование, из которого было предельно ясно — просто так мысли других читать нельзя. В смысле забавы ради. Цель нужна. Четкая, ясная, практическая, без нее зелье будет просто редкостно вонючей жижей мерзкого цвета, не более. Ну и «отходняк» после этой процедуры неслабый, я сутки пластом лежал с гудящей как колокол головой. Думаю, так специально сделано, чтобы все кому не лень в чужие мысли не лезли.

Так вот, эта милая девчущка продавала инсайдерскую информацию о готовящихся сделках конкурентам Ряжских. Просто и незамысловато. Должность у нее была низовая, доступа к закрытым данным она иметь не могла, но мы ведь в России живем, правда? Потому именно ее и отправляли делать копии протоколов собраний, которые видеть никому было не положено. Почему? Так руководству у ксерокса стоять не по чину, они это секретарям поручали. А у секретарей все-

гда других дел полно, им недосуг самим куда-то ходить, потому и отправляли к «копиру» именно того, кто никогда не возмущается, когда ему подсовывают левые поручения. Как раз эту самую тихую и незаметную девочку.

Еще осенью меня, скорее всего, терзали бы сомнения — а надо ли было вот так? Кончилась-то история скверно. Девушку ту наказали, причем очень серьезно, насколько я знаю, ей потом в больнице пришлось полежать. Психиатрической. Она не сразу имена заказчиков назвала, и это оказалось большой ошибкой. С такими, как Геннадий, надо сразу откровенничать, раз уж попалась. Дешевле выйдет.

Еще безопасникам здорово накрутили хвосты, секретариат разогнали почти полностью и новых референтов набрали. Ну и предправ наш все-таки отправился на вольные хлеба. Его вины в произошедшем было меньше, чем у остальных, но он, увы, не вписывался в картину мироздания, которую себе нарисовали применительно к нашему банку супруги Ряжские. Проще говоря — нужен был повод, он появился. Не нашли бы этот, отыскался бы другой.

Но, поскольку новым председателем правления стал Дима Волконский, я только порадовался. Он хороший человек и пост этот своим трудом честно заслужил. И, что немаловажно, ему полностью безразлично, чем я теперь занимаюсь в банке. То есть то, что я ничем в нем толком и не занимаюсь.

Собственно, можно было бы вообще уволиться, но мне пока это не нужно. Боюсь предаться лени. Когда у человека нет сдерживающих факторов и хоть какой-то доли ответственности, он очень быстро начинает дичать. Сначала перестает придерживаться распорядка дня, потом бриться начинает через два дня на третий, а после и вовсе переходит к растительному виду существования. Мол, все равно спешить некуда.

Я себя знаю, со мной так и случится. Лень вперед меня родилась, и соперничать с ней будет очень трудно. Потому и не увольняюсь с работы, хотя с определенной точки зрения этот шаг был бы оправданным.

Потому и против должности личного помощника председателя совета директоров, предложенной мне в момент большого кадрового передела, я возражать не стал. Обязанностей по должностной инструкции минимум, ответственности то-

же, в кабинете своем старом мне остаться разрешили. Плюс относительно свободный график. Но при этом на службу ходить все же надо, что гарантировало мне определенную внутреннюю собранность, о которой я, собственно, и пекся.

Я вообще стал больше думать о том, что удобно мне, чем о том, как я могу помочь человечеству. Хотя, правды ради, я о судьбах мира и до того особо не переживал, но при этом иногда позволял чувствам брать верх над разумом. Сейчас подобное случалось все реже и реже. Может, потому что круг моего общения здорово поменялся?

Тут надо вернуться немного назад и закончить рассказ о Рязской и ее попытках меня выдрессировать. Ольга Михайловна на самом деле неплохая. И действительно обо мне заботится. Настолько, что готова даже пойти на ряд действий, которые не слишком сочетаются с Уголовным кодексом Российской Федерации. Я это ценю, я ей за это благодарен. Но не настолько, чтобы прыгать вокруг нее на задних лапах, как ей того хотелось бы.

После истории с Вагнерами она на некоторое время оставила меня в покое, как раз до того момента, пока во дворе банка не установили бюстик мне. Небольшой такой, аккуратный, бронзовый. Что значит «мне»? То и означает. Яна Феликсовна постаралась, выполнив данное некогда обещание. Она хоть женщина в общении сложная, но, как и положено немкам, слово свое держит, пусть даже и частично. Но я не в претензии, скупость представителей германской нации давным-давно даже в пословицы с поговорками вошла. О чем я? Просто еще осенью она дала слово, что воздвигнет мне памятник в полный рост, причем из серебра, в том случае, если понесет ребенка. Судя по всему, звезды на небе сошлись, Яна Феликсовна осознала, что беременна, и выполнила обещание. Но не целиком, обошлась бюстом. Нет, я действительно про него что-то говорил, но там вроде бы еще выплата разницы стоимости в деньгах фигурировала. А вот про нее фрау будущая мать запомнявала.

Но все равно прикольно получилось. Он почти полдня у входа простоял, весь банк с ним селфи сделать успел, прежде чем по приказу Геннадия его демонтировали и утащили во внутренние помещения. Постамент сгинул без следа, а сам бюст перенесли к хранилищу, поставив рядом со столовой на

старый ростовой сейф, который там находится с начала времен. Причем почти сразу у сотрудников появилась традиция тереть по дороге к холодильнику бюстов нос, типа «на счастье». Через пару недель нос засверкал как солнце, а Федотова, гнусно хихикая, долго распиналась на тему того, что мне радоваться надо. Дескать, был бы памятник в полный рост, ему бы другие места терли, такие, что вслух сказать стыдно. И добро, если бы памятником все и ограничилось. У нас, русских, традиции иногда принимают крайне забавные формы. Мол, потри и там, и там, тогда счастья вдвойне больше станет.

Что любопытно, сама Вагнер даже не мелькнула на горизонте, возможно, все-таки по здравом размышлении сделала кое-какие выводы. Зато немедленно активизировалась Ряжская, начав мне давить на совесть, апеллируя к тому, что дети очередного рейха меня хотят поработить, как пришельцы — Землю, мол, я плохо их знаю и даже не представляю их жуткие планы, а они меня в результате Меркель продадут. И только она одна стоит между мною и тевтонским нашествием на российскую медицину.

И давай ко мне своих знакомых таскать, как правило, с бесплодием. А между ними взяла привычку и более экзотические задачки подкидывать, вроде как с той девицей-информатором. Или обращаться с просьбой определить, правду человек говорит или же врет.

Причем то, что в девяти случаях из десяти на ее просьбы я отвечал отказом, Ряжскую совершенно не смущало. Она обладала упорством улитки, ползущей по склону Фудзи, довольствуясь тем самым одним успешным разом из десяти.

В результате к апрелю у нас с ней установилось нечто вроде паритета. Она не наседала на меня так, как раньше, поняв, что лучше меньше да лучше, я же время от времени брался за интересные случаи, которые изредка подкидывали те, кого она приводила в банк.

Ну и докладывал ей о тех, кто периодически пытался добраться ко мне со стороны. Да-да, и такие встречались. Как правило, из числа тех, кому я по просьбе Ряжской помог, точнее — из их окружения. Язык за зубами у нас люди, избавившиеся от хвори, сроду держать не умели, им надо поделиться своей радостью со всем миром, что они и делали. И всегда находились те, кто умел слушать и слышать главное.

Поначалу все выглядело даже мило. Ко мне в лучших традициях жанра подкатывали добрые люди на машинах и просили в них сесть для последующей беседы. Реже останавливали около подъезда. Совсем редко пытались поговорить прямо на работе.

А один раз в феврале даже похитили, после того как я отказался что-либо обсуждать. Дали сзади по голове, привезли в какой-то загородный дом, там страшали всяко, а после, сдуру поверив моим словам о том, как я испуган, с меня сняли наручники.

Нет-нет, я никого не стал убивать. Я все еще не могу переломить себя и забрать чью-то жизнь, хотя за прошедшее время не раз слышал о том, что именно кровь врага на моих руках может открыть мне новые грани знания. И, что важнее, показать мне путь к таким высотам, о которых я в своем миролюбиво-травническом состоянии даже помыслить не могу.

Может, оно и так. Но я не стал тогда никого убивать, даже в тот момент, когда эти люди, перейдя от посулов к угрозам, здорово меня разозлили.

ГЛАВА 2

Случись все это прошлой осенью, когда ко мне только приходило понимание того, как и что устроено в этом мире, наверное, я бы на самом деле здорово напугался. Но то тогда. А сейчас...

Одного из тех, кто беседовал со мной по душам, я вывел из строя, уколов простой булавкой, которая с недавнего времени всегда была воткнута в лацкан пиджака. Точнее, булавка действительно являлась самой обычной. А вот тот состав, которым я ее щедро обмазал, — нет. Это был сок корня одолень-травы, смешанный с сушеным баранцом. Эти травы и по отдельности сильны, а вместе, да после нанесения их на металл и прочтения соответствующего заклинания, получают особые свойства. Например, могут полностью парализовать человека, особенно если ткнуть иглой куда-нибудь поближе к сердцу. Станет тот человек на время бревну подобным, только глазами шевелить и сможет.

Оставшейся парочке повезло меньше, я попотчевал их смесью сушеного страстоцвета с волчегодником, также всегда находившейся у меня в кармане, в специальном отделении, скроенном так, чтобы ничего не просыпалось. В глаза им ее швырнул, пока эти болваны пытались понять, что с их другом происходит и с чего это он на пол повалился как подкошенный. Если честно, не подозревал, что настолько эффектно выйдет. Испытания этой смеси я не проводил, потому до конца не представлял, как она сработает. Догадывался, но не более того.

Эти двое ослепли. Не насовсем, разумеется, но они-то этого не знали. Дикая боль в глазницах добавляла ужаса ситуации. Ох как они кричали, сразу забыв и обо мне, и обо всем, что вокруг находится!

Получилось даже лучше, чем можно было ожидать. Для меня лучше, а не для этих бедолаг. Выходит, все верно я сделал, и каждая из трав отдала смеси природную злобу, а сцементировала все капля истинного мрака, которая была вложена в этот сбор на финальной стадии.

Я даже перепугался немного, что они таким манером сами себе глаза выцарапают. Им же невдомек, что через полчаса все закончилось.

Все-таки книга древних знаний, которую время от времени дает мне читать Морана, — это великая вещь! Да-да, я получил доступ к той книге, что находилась в тереме Мораны. Все-таки несговорчивого Никандра по приказу Рязской на дно реки отправили, я в этом убедился следующей же ночью после того, как он покинул грешный мир. Ну да, я сам руку к его смерти, разумеется, не прикладывал, но при этом явился причиной гибели старого мага вечности, этого оказалось достаточно для того, чтобы богиня смогла попасть в свой терем. Я же отдал ей его в жертву? Слово было сказано и услышано.

И знаете что? Не жалею. Совершенно. Да, деда Никандра жалко, хоть был он, конечно, пакостником тем еще. И, к слову, отправясь я на тот свет, он бы по мне не скорбел, это уж точно. Но его кончина открыла передо мной врата немалых возможностей, которые совершенно нельзя было сравнить с теми, что у меня имелись раньше. Что моя ведьмачья книга на фоне черного фолианта Мораны, переплетенного в некий ма-

териал, который более всего напоминает человеческую кожу? Это как сравнивать букварь с энциклопедическим словарем. И самое главное — там описаны вещи, которые на самом деле могут меня защитить от тех, кому нужна моя голова. Как, например, в том случае, который я описываю.

Собственно, дальше с теми, кто решил меня немного попрессовать вдали от людей, все было просто. В доме обнаружилась еще парочка охранников, причем тоже не очень высокой квалификации, которые были глупы настолько, что дали мне приблизиться к себе вплотную. Большая ошибка. На расстоянии я, по сути, так же безобиден, как и раньше. А вот вблизи...

Впрочем, мне повезло, разумеется. Будь там хоть один профессионал, получил бы я пулю в живот как минимум. А этих, похоже, наняли по объявлению.

Помимо охранников в этом доме жили еще двое — мужчина и женщина. Причем женщину я сразу узнал. Она приходила ко мне с просьбой о помощи и получила отказ. Я не берусь лечить тех, чей срок на земле вышел полностью, а в случае с ее мужем дело обстояло именно так. С недавнего времени я стал ощущать некую границу, которую мне иногда очерчивает кто-то очень сильный и властный. И я точно знаю, что пересекать ее не следует, для собственной безопасности — в первую очередь. Я не в курсе, кто эта сущность, хотя, конечно, и догадываюсь, но проверять свои домыслы точно не хочу, боже упаси. Мне достаточно того, что в нужный момент меня обдает холодом не этого мира, давая понять, что я снова лезу не в свое дело. Причем совершенно необязательно, чтобы я в этот момент говорил с тем, кому непосредственно нужна помощь, хватит и того, чтобы мне изложили просьбу.

С этой женщиной так и получилось. Ее муж был обречен, и я честно ей про это сказал. Но она, как видно, не поверила мне, после чего стала решать вопрос по-другому. Кстати, в тот момент, когда мне стало ясно, что к чему, я перестал злиться. А смысл? Человек просто делает все, чтобы помочь тому, кого любит, это достойно уважения. Пусть даже мне это принесло ряд дискомфортных ощущений. Не зверь же я, в конце-то концов?

Я даже Ряжской ее не стал сдавать, хоть та и просила меня докладывать обо всех происшествиях подобного толка. А еще

подарил своей похитительнице зелье быстрой смерти. Есть у меня и такое, тоже теперь всегда таскаю с собой, сам не знаю зачем. Ношу и ношу, тем более что зелье это представляет собой маленькое зернышко, размером схожее с тминным. Маленькое-маленькое, а три таких слона убьют. Человеку достаточно одного. Пять минут, потом глаза слипаются, он засыпает — и все. Но основной фокус в том, что это не яд. Это концентрированная смерть естественного происхождения. Земля со старой могилы, пара трав, растущих близ погостов, еще кое-какие добавки. Ни один анализ не определит ни в одной лаборатории. И посмертие будет после него правильное, не такое паскудное, как у отравленных или, боже сохрани, самостоятельно отравившихся.

Только пользоваться им надо с умом. Такие вещи нельзя использовать ради наживы, мести или власти, об этом в рецепте особо говорится. Еслипустишь его в ход, преследуя подобные мотивы, зло, что ты причинил, к тебе вернется трижды три раза. Не знаю, что может быть хуже смерти, и знать не желаю, потому с этой красивой и очень печальной женщины я ни копейки за данный смертный дар не взял. Только отвезти себя домой разрешил, когда охранники в сознание пришли.

Правда, трое из них со мной в одной машине ехать сразу отказались. Боялись. Крепкие такие ребята, а от меня шарахались, как от бешеного пса. Забавно!

К подобному тоже начинаю привыкать. Я тогда, осенью, не очень-то верил в то, что свалившаяся на меня сила что-то в моей личности поменяет. Ан нет, правы были те, кто это предвещал. Меняюсь помаленьку. Не внешне, там все как было, так и осталось, разве что лишний жирок потихоньку с боков сошел незаметно. А вот внутренне... Это есть. Ряжская, которая такие вещи ощущает, по-моему, интуитивно, так мне и сказала:

— Мальчик становится мужчиной. Знаешь, Саша, раньше я испытывала к тебе чувства сродни материнским, разумеется, весьма условно. А теперь о подобном говорить просто глупо.

Хотя это все слова, слова... Стоит чуть-чуть утратить внимание, позволить ей сесть на шею — и она тут же начнет поворачивать меня в том направлении, которое выгодно ей.

Но в одном она права — первые шаги я все-таки сделал. Где-то через не могу и даже через не хочу. «Не хочу» — потому что жалко было прощаться с самим собой прежним. Только выбор невелик — иди вперед или умри.

Когда Морана открыла свою книгу и позволила мне в нее заглянуть, вот тогда я и понял, какая бездна лежит между мной и теми, кто живет в мире Ночи. Например, с тем колдуном, который обещал соорудить мне козью морду.

Я даже не сопляк перед ним. Это как-то по-другому называется. И все мои осенние прикидки, как я заманю его в очень-очень хитрую ловушку, не более чем лепет младенца. На то, чтобы создать маленький клочок истинного мрака, у меня ушло три месяца. Сейчас, разумеется, я это повторю гораздо быстрее, но сил и времени все равно потрачу немало. А он меня им ослепил на ходу. Между делом. Забавы ради.

Учитывая то, что создание истинного мрака в волшебстве — это основа основ, можно сделать вывод, что шансов одолеть его в открытом поединке у меня не просто нет. Они в минус уходят.

Да, я с легкостью сейчас одолею нескольких охранников, не ожидающих ничего подобного от перепуганного банковского клерка, которому чуть в пузо ударишь, он и поплывет. Но с матерым колдуном, за которым стоят поколения предков, промышлявших черной волшебной магией, мне не тягаться. Если, конечно, не иметь за спиной тех, кто может помочь. Например, богиню, которая его ненавидит. Вот только и тут все тоже не так просто, как хотелось бы. Впрочем, чего еще ждать от той, которая помнит если и не начало времен, то как минимум мир в пору его молодости?

Нет-нет, формально Морана мне покровительствует. Она всегда встречает мое появление улыбкой, если это движение губ можно так назвать, она пустила меня в свой дом, что, как я понял, изначально немало значит по покону, она позволила мне заглянуть в свою книгу. Мало того — она даже расщедрилась на комментарии к нескольким закланиям и рецептам из тех, что я смог прочесть и понять. Да-да, далеко не все, что я в этой книге увидел, доступно для моего понимания. Иные страницы остаются пустыми, я ничего на них увидеть не могу. Все строго по народной пословице — смотрю в книгу, вижу фигу. Не хватает мне мудрости и силы для того, чтобы про-

честь там начертанное. Это другой мир, он живет по другим правилам. Тут каждый получает ровно столько, сколько может унести. Я пока только пару капель воды в горстях удержать могу. Это не мои слова, так Морана сказала.

И она же подтвердила, что будет рада сыграть для меня роль проводницы в мир тайных знаний. Но, естественно, не за так. Ей нужно вернуть часть той мощи, что была рассыпана бисером за века. И кроме меня, об этом ей просить некого, нет никому сюда пути. Как видно, никто из ведьмаков общением с мертвыми более не промышляет, я единственный в своем роде на текущий момент.

Мне же совершенно не хочется делать то, что она от меня требует. Не хочу я людей губить по ее прихоти, а ей другая жертва, видите ли, не подходит. Ей жизни людские нужны, дабы вернуть утраченное. В результате образовалось нечто вроде патовой ситуации, как в шахматах. Я не собираюсь вставать на путь душегуба, она делает все, чтобы я получал новые знания в неполном виде. То есть вроде как Морана и слово, данное мне ранее, держит, но при этом толку от происходящего — чуть.

Самое забавное, что все мои осенние домыслы по поводу экспансии Мораны в наш мир оказались полной чушью. Он ей как прошлогодний снег нужен. Это я просто фантастики перечитал. Там же что ни книга, так славянские боги рвутся захватывать землю, дабы восстановить на ней свою власть.

На фиг им это сдалось, если рассудить трезво? Времена изменились, и боги куда лучше, чем любой из нас, это понимают. Чтобы получить власть над людьми, надо захватить их души, а это сделать просто невозможно. Во второй раз — невозможно. Она мне так и сказала в одном из наших разговоров:

— Если бог выпустил из своих рук власть над теми, кто ему поклонялся, то возврата к прежнему не будет никогда. Люди не признают павших богов. Даже если пройдут сотни поколений и новым людям на новой земле будут неведомы имена тех, кто некогда оплошал, все равно ничего не изменится. Память крови сильнее. Род дал нам все, мы это пустили на ветер. Что теперь гоняться за пеплом?

И ведь она не врала. Морана вообще никогда не врет, ей это ни к чему. Но сила ей все равно нужна. Очень нужна, я это вижу. И, сдается мне, догадываюсь почему. Она кого-то боит-

ся, не знаю, кого, но это так. Сам видел несколько раз, как Морана на тот, противоположный берег реки Смородины смотрит, и лицо у нее становится, как у моей бывшей, когда я на вечер встреч выпускников ходил. Там и тревога, и непонимание, и предвкушение скорого скандала. Все сразу.

Я пытался узнать, что ее тревожит, но молчит богиня, не желает делиться сокровенным. И знай меня подводит к мысли о том, что надо все же от мягкотелых людских привычек отучаться. А чтобы умней был, время от времени закрывает мне возможность припадать к первоисточнику, пусть даже и в ознакомительно урезанной версии. К книге в смысле. Связь-то у нас с ней односторонняя. Если она не желает меня видеть, то мне к ней никак не попасть. И это тоже меня печалит, потому что я не знаю, когда колдун вернется в город. Может выйти так, что мне совет понадобится позарез, и вот что тогда делать?

Я пытался найти способы попадать туда, за кромку, самостоятельно. Один нашел, только он такой, что на фиг надо.

Рассказал мне про него Афоня, бывший слуга покойного Артема Сергеевича, моего несостоявшегося наставника в ведьмачьих науках, ныне проживающий в неприметном домике, примостившемся в глубине Сухаревских переулков.

Как я и полагал, знал Афанасий много чего, потому как разного насмотрелся, обитая рядом с таким матерым ведьмаком, каким являлся его бывший хозяин. В том числе слышал он и про переход смертного за кромку. Рассказывать, правда, он мне сначала про это очень не хотел, но я подключил административный ресурс в лице Николая, и разговор продолжился. Правда, радости никакой я от услышанного не испытал. Да и Нифонтов тоже брезгливо морщился да то и дело на меня поглядывал.

— Может ведьмак, который, стало быть, с той стороны на «ты», за кромку попасть, — бубнил Афоня, сидя на лавке, качая лапами и не поднимая на нас свой единственный глаз. — Еще туда дорога ведьмам открыта, тем, что обряды заклада посмертия прошли. Но таких я ни разу не видел, хоть давно живу. Ведьмы — они хитрые. Чужую душу, что им по дури или по простоте на блюде поднесут, всегда заложить готовы или за копейку продать. Чужое ж, не жалко. А свою — ни-ни. Они

посмертия лихого ох как бояться! Не хотят ответ за свои грехи держать.

— Я в курсе, что ты ведьм не любишь, — поторопил Афоню Нифонтов. — Ты про ведьмаков говори.

— Плохой обряд, — наконец глянул на меня своим единственным глазом мохнатый собеседник. — Тебе его не надо исполнять. Ты не из тех, кто подобное творить станет.

— Ну-у-у? — Я даже рукой потряс, давая ему понять, что мне надо наконец услышать, чего именно я делать не должен.

— Смерть дорогу за кромку открывает, — вздохнув, сообщил нам Афоня. — Людская, не скотья. На границе между Явью и Навью надо человека медным ножом убить. Нож тот должен быть омыт в семи природных водах да умащен семью заветными травами. Ну и некрещеной жертва должна быть, понятное дело, иначе не откроется проход.

Вот в этот момент на меня Николай и глянул испытующе.

— Ты дурак? — верно истолковал его движение я. — За кого меня держишь? Да и где сейчас некрещеного человека найдешь? Нынче вера в тренде.

— И сразу решить надо, куда именно ты путь держать хочешь, ежели тебе сами серые пустоши Нави не нужны. Коли в Пекельное царство дорога потребна, к тем, кто за вины свои там терпит муку, то жертвой должен быть злодей, — бубнил тем временем Афоня, прямо как книгу читал. — Душегуб там, конокрад, хитник прожженный. Женка блудливая тоже согдится, из тех, что не от мужа понесла, а ему про то не сказала.

— А если в Ирий? — навис над мохнатикум Нифонтов. — Тогда кого?

— Дите безгрешное, — провел коготком по горлу тот. — Кого ж еще?

— Ужас что такое! — Меня даже передернуло. — Ну на фиг такие способы передвижения! Это без меня.

— У моего бывшего хозяина не получилось, — безучастно сообщил нам Афоня. — Раз пять пробовал дорогу открыть, а все никак.

— Мало он тогда помучился, — зло бросил Нифонтов. — Знал бы, не дал ему так просто умереть.

— Ты думай, что говоришь, — посоветовал ему я — Просто! Ты вспомни, как он умер, и пойми, что лучше, чем тогда получилось, ты бы не сделал.

— Спорный вопрос, — пробурчал Нифонтов. — Откуда тебе знать?

— Даже спорить не стану, — спокойно ответил я ему. — Это все равно не имеет смысла. И, Коль, не надо сейчас фраз вроде: «Все вы, ведьмаки, одинаковы», — или чего-то в этом роде. От кого, от кого, а от тебя я такого слышать не хочу. У вас уже есть мисс Очевидность, не претендуй на ее лавры.

— Ладно, проехали. — Николай ухмыльнулся. — Но дом тебя к себе ведь не подпускал, согласишься? А это что-то да значит.

Это да, это правда. Дело в том, что я не смог найти здание, в котором квартировал отдел 15-К, ни со второй, ни даже с третьей попытки. Вроде шел правильно и поворачивал, где надо, но раз за разом попадал в Последний переулок. В принципе, вся Сухаревка — это одни переулки, но меня ноги приводили именно в этот, Последний.

В результате я сообразил, что дело нечисто, и включил навигатор, который, вступив в соревнование с неведомой силой, упорно не пускавшей меня туда, куда нужно, ее поборол, доказав торжество науки над нездоровой мистикой. Проще говоря, добрался я до здания отдела. Дверь, правда, так открыть и не смог, как ни старался.

— Ничего это не значит, — подал голос Афоня. — Дело тут не в том, черно у Александра внутри или нет. Просто он теперь на два мира живет, а дом это чувствует. А зла в нем пока нет, я бы знал.

— Вот, — торжествующе заявил я и протянул мохнатику руку, которую тот робко пожал. — А тебе, Николай, скажу так: придет война — хлебушка попросишь.

— Припоминай сколько хочешь, — не поддержал мою шутку оперативник. — Но главное, помни — есть вещи, которые ни я, ни мои коллеги понять и простить не смогут. То, о чем нам Афоня рассказал, — из их числа.

— Хватит с меня на сегодня банальностей! — не выдержал я в результате. — И клятв в том, что я был хорошим мальчиком раньше и планирую им же оставаться в будущем, давать не стану. Это как минимум унижительно. Сейчас я тебе союзник, но ты все чаще заставляешь меня задумываться, стоит ли им быть дальше. Поразмысли на этот счет. Как следует поразмысли. И вспомни о том, что весна — это уже скоро.

Сдается мне, что про этот разговор потом узнал его начальник, поскольку на следующий день Нифонтов позвонил мне и извинился. Условно, но все же. А я извинения принял. Тоже условно.

Но вообще, разговор полезный вышел, чего скрывать. Я потом слова Афони в голове гонял и так и сяк, пока не додумался вот до какой штуки. А что, если покойный ведьмак своими ритуалами Морану разбудил? Ну не просто же так она воспрянула после бог весть скольких сотен, кабы не тысяч лет сна? Он ее разбудил, но силенок перешагнуть через кромку так и не обрел, потому и затеял провести финальный ритуал, который, возможно, дал бы ему шанс на удачу. Но тут в дело вмешался случай в моем лице, который спутал все карты сразу всем — и Артему Сергеевичу, и Моране, и даже мне самому.

В результате Морана, помыкавшись в сумерках, потянулась мыслью хоть к кому-то, кто ее услышит. Вот так мы с ней и встретились в первый раз. Впрочем, возможно, тут свою роль сыграла как моя узкая специализация, так и то, что в ритуале я все же поучаствовал. На камушке полежал, где кровь лилась, души тех, кто был убит в процессе волшбы, отпустил. Вроде бы мелочи, да только они в совокупности могли составить некое целое, которое вылилось в мои хождения за кромку.

В любом случае есть то, что есть. Вот только мне этого маловато. Я учиться хочу, а возможности такой не имею. Чего далеко ходить — в последний раз я видел Морану почти месяц назад. С тех пор ни слуху ни духу. И я знаю почему. Так она меня прессингует, дает понять, что условия — это ее прерогатива. А мне остается только их принять. Не богиня, а наркодилер какой-то. Методы, по крайней мере, те же самые. Подсадить на препарат, а потом цену на него назначать.

Ее бы с Рязской познакомиться. Мамой клянусь, иногда мне кажется, что эти двое — сестры. Замашки одинаковые потому что. «Нет-нет, мы не требуем, но хорошо, если ты сделаешь так-то и так-то. Ты же послушный мальчик, правда?»

Может, грохнуть одну из них, чтобы другая порадовалась? Не панацея, конечно, но как вариант запросто может пройти. Половина проблем с плеч долой.

Шучу, разумеется. Ольга Михайловна не самый плохой человек на самом-то деле. И понятливый. Я же говорю — она

уловила то, что я меняюсь, и очень гармонично к этому приспособляется.

Потому я иногда выполняю ее просьбы. Вот и сегодня оказал небольшую услугу, узнал, где некто Соломин Денис Леонидович держит компромат на ряд политических и финансовых деятелей. Этот Соломин — давний недруг семейства Ряжских, именно его жену меня Ольга Михайловна убить подбивала осенью. Да и потом время от времени намекала, что не очень бы по ней скорбела, случись чего. Пачкать руки я не стал, это перебор, но нужные данные добыл. Тем более что большого труда это не составило. Жанна всегда пройдет туда, куда надо, и увидит все, что нужно.

Черт, ну как же пахнет весной! Это просто беда какая-то! Аж кровь в венах закипает. Интересно, когда первый лист ползет? Или не ждать его и все же прогуляться на погост, поприветствовать моего старого друга? Прозвучит странновато, но я здорово соскучился по этому, чего уж там, жутковатому существу, которого все называют Хозяином кладбища. Он, может быть, и не самый приятный в общении собеседник, зато всегда говорит то, что думает. А это в наше время очень большая редкость.

Я достал из кармана телефон и набрал номер Ряжской. На условности вроде того, что ночь на дворе и не время для звонков, мы с ней плюнули уже давно. Точнее, Ольга Михайловна мне объяснила, что такого понятия, как «неурочный час», в большом бизнесе нет. Есть нужные и ненужные разговоры. За пустую трату ее времени и днем можно по загровку схлопотать, а за полезные данные даже ночью благодарность получить.

Благодарность ее мне была по барабану, но, раз дело сделано, чего тянуть?

— Мое почтение, — весело, не сказать — залихватски, поприветствовал я Ряжскую, снявшую трубку после третьего гудка. — Поздорову ли, Ольга свет Михайловна? Зверь дикий какой не приснился ли?

— Меня всегда радовал твой интеллектуальный багаж, Саша, — подавив зевок, ответила мне бизнес-леди. — Умеешь к месту и ко времени процитировать классику.

— Есть такое, — с гордостью признал я. — Ладно, не буду надолго вас вырывать из объятий Морфея. Ольга Михайлов-

на, вы были правы, есть кое-что у вашего закадычного недруга. И на вас, и на других достойных господ.

— Стоп, — скомандовала Ряжская. — А вот дальше не по телефону. Сколько раз тебе говорила — тому, что не можешь контролировать на сто процентов, не доверяй.

— Согласен полностью, — одобрил ее слова я. — И как раз поэтому никогда не понимаю, когда вы на меня обижаетесь за то, что не все вам рассказываю. Я же не могу вас контролировать на сто процентов? Хотя, врать не стану, не отказался бы.

— Шутник. — Из голоса Ряжской уже полностью испарились сонные нотки. — И чего я тебя терплю столько времени?

— Потому что я умный, добрый и красивый. А еще — покладистый и неалчный.

— Повидать бы того славного молодого человека, про которого ты рассказываешь, — не осталась в долгу Ряжская. — А лучше — познакомь меня с ним. Я его усыновлю. Сколько времени?

— Четвертый час утра, — глянул я на луну. — Скоро рассвет.

— Когда ты вообще спишь?

— На работе, — даже не стал скрывать я. — Вас неделю как в банке не видно, стало быть, у меня как у вашего помощника дел вовсе никаких нет. Потому веду на службе растительный образ жизни — ем да сплю.

— А потом все ваши кумушки обсуждают то, что старуха Ряжская совсем Смолина заездила, — заметила моя собеседница. — Мол, всю ночь на нем скачет без устали.

— Вы слишком хорошо думаете о моих коллегах, — возразил я ей. — Увы, но про вас никто и не вспоминает, все лавры достаются мне. В переносном смысле, разумеется. Как меня только не называют!

— Да уж знаю, — хмыкнула она. — Цензурные выражения почти не встречаются. Ладно, давай-ка часам к семи выходи к подъезду. Поедем сначала позавтракаем, а после в наш офис наведаемся. Думаю, без Паши обсуждать этот вопрос будет не слишком верно.

Сказала и повесила трубку.

Врать не стану — в главный офис «Р-индастриз» на встречу с господином Ряжским меня не очень тянуло. Нет, так-то он мужик вроде неплохой, я видел его несколько раз, и никаких

негативных моментов не возникало. Но это не значит, что так будет всегда. До него ведь тоже могли донестись слухи о том, что его супруга ну очень много внимания одному молодому человеку уделяет. Почти беспочвенные, к слову.

Вот тоже интересно — а сейчас он где? Ряжская сказала о нем так, будто его вообще рядом нет. Впрочем, кто их, небожителей, разберет. У них там свои отношения, о которых мне лучше и не знать.

— Жанна, а продиктуй-ка ты мне на всякий случай код от сейфа, — подумав с минутку, сказал я девушке-призраку. — Пусть будет.

Увы, но точный порядок букв и цифр она и в самом деле не помнила. Всем хороша моя новая помощница, только вот память у нее девичья. Если сразу упустил момент, потом все, начинается: «Ой нет, там не циферка пять была, а буковка. Ну, как на пряжке ремня от джинсиков, что я прошлым летом купила». Откуда мне знать, какие именно джинсики она тогда себе приобрела?

Помучившись так минут десять, я устало вздохнул и отпустил Жанну погулять по городу. С собой я ее никогда не приглашал. Нечего в моем доме призракам делать, знаю я их повадки — один разпустишь, потом за порог не выставишь, там останется только жесткие меры применять. А я к Жанне привык уже, так что не хотелось бы до такого доводить. Она хоть и не титан мысли, но по-своему очень даже смышленная. И не ноет, как другие ее коллеги по цеху, требуя от меня отпустить ее на волю или, того хлеще, вовсе оживить. Да-да, и такое случается. Один призрак недавно за мной таскался несколько дней, настаивая на том, чтобы я сей же час вернул ему его тело и все, что к данному объекту прилагается. С чего он взял, что я ему собираюсь помогать? Ну да, «дать дуба» накануне собственной свадьбы от перитонита — это как минимум неприятно, но я-то тут при чем? И так он меня достал, что в результате я его отправил в конечный пункт назначения. Поженил с вечностью, так сказать.

Жанна исчезла как всегда неслышно и незаметно. Опять, наверное, пошла бродить в залах дорогих магазинов женской одежды, вздыхать, глядя на ценники, и безуспешно пробовать снять очередную эксклюзивную шмотку с вешалки.

Я же встал со скамейки и потянулся, чуть не задев рукой кормушку для птиц. Их зимой на деревьях развесили наши дворники, Фарида и Хафиз, люди невероятно добродушные и сердобольные. Они их еще и надписями снабдили вроде: «Птичка, заходи, семечка кушай!» Чтобы, значит, пернатые точно знали, что здесь ФМС им бояться не следует. Мне это настолько пришлось по душе, что я и сам несколько раз в эти кормушки пшено сыпал. А почему нет?

Спать ложиться смысла уже никакого не было, потому я решил довести до ума одно дело, которое уже несколько дней не давало мне покоя, только, прежде чем за него взяться, следовало соблюсти некоторые приличия. С некоторого времени я к подобным вопросам относился более чем аккуратно, окончательно осознав, что в мире Ночи традиции, устои и уложения значат куда больше, чем в обычном. У нас ведь как? Если нельзя, но очень хочется, то можно. Тут такой номер не пройдет. Может, нарушение общепринятых правил в первый раз с рук сойдет, сделают тебе скидку на незнание, но во второй уже точно нет. А память у тех, кто живет под лунной, долгая, рассчитывать на то, что тебя простят и поймут, не стоит.

А кое-кто и на первый раз скидку делать не станет. Сделал — отвечай. Незнание законов не освобождает от ответственности. Тем более что от тебя ничего такого и не требуют. Надо просто соблюдать правила приличия и уважать тех, кто живет рядом с тобой. Вот и все.

Я стукнул пару раз по стене кулаком и негромко произнес:

— Вавила Сильч, ты не спишь? Зайди на чаек, надо кое о чем пошептаться.

ГЛАВА 3

— Наболтался с покойницей? — проворчал Вавила Сильч, вылезая из-за холодильника. Он словно ждал моего приглашения. — Не приваживай их к дому, Александр, не приваживай! Нечего им тут шататься!

— Да я и не приваживаю, — возразил я, включая чайник, который немедленно зашумел. — Она у меня одна и есть, вот эта «помогайка». Славная девчушка, жалко, что мертвая.

— Не слушаешь ты меня, а зря. — Вавила Силыч покачал головой. — А ты чего сам на стол накрываешь? Этот-то где?

— Дрыхнет, — рассмеялся я. — Без задних лап. Чаю надулся с булкой с изюмом, телевизора насмотрелся и ухо теперь давит. Да и пусть его. Сейчас разбудишь, он два часа будет ворчать и сопеть.

— Разбаловал ты его совсем, — пожурил меня подъездный. — Он тебе на шею сел и лапы свесил, а ты и рад!

— На меня где сядешь, там и слезешь, — парировал я его фразу. — Ничего, вот сейчас подсохнет земля маленько, мы в Лозовку поедем. Там он у меня поработает вволю. Огород вскопает, листву соберет прошлогоднюю, деревья побелит. Да мало ли что я придумать могу? У меня богатое дачное прошлое, мама постаралась. Кстати, Вавила Силыч, не хочешь с нами? Воздух, тишина, рыбалка. А что? Неужто тебе отпуск не положен?

— Шутник, — фыркнул подъездный. — Кабы мог — поехал бы. Но ты же знаешь, что мне от дома далеко да надолго не отойти.

— Жалко, — не кривя душой произнес я. — Правда жалко. Хорошо бы время провели. Слушай, у меня только сушки есть и сухари с сахаром. Не успел в магазин сходить.

— Ничего нет, говоришь? — покосился подъездный на комнату, откуда раздавалось Родькино похрапывание. — Или просто кто-то жрет так, что скоро поперек себя шире станет?

— Да запрягу я его в работу. — мне было сложно удержаться от смеха, но все же удалось это сделать. — Запрягу. Ну хочешь, к себе его бери на недельку опять. Небось есть чем занять?

— А то! — мигом успокоился подъездный и отпил чаю. — Весна, дело любому найдется, даже такому никчеме. О чем хотел поговорить? Не про это недоразумение мохнатое, поди?

— Нет. — Я пододвинул подъездному вазочку с сушками. — О другом. Я тут собираюсь кое с кем повидаться и не могу тебя об этом не предупредить.

— Александр, мне очень приятно, что ты во мне видишь не просто суседушку, — чуть не поперхнулся Вавила Силыч. — Но обо всем, что ты делаешь, советовать все ж таки не след! Я тебе, чай, не родитель, да и ты уже не несмышлениш.

— Да не о том речь, — рассмеялся я, похлопав его по спине. — Хотя совет умудренного жизнью подъездного, понятное дело, лишним никогда не станет. Сейчас о другом говорю. Мне с марой надо пообщаться, а без ведома общества и твоего лично творить такое в нашем доме не хочу. Я помню, как оно прошлый раз вышло, так что решил проявить уважение и с тобой посоветоваться.

— Мара? — насупился Вавила Силыч. — Опять? Вот на кой тебе эта погань, а? Ладно, иные зелья ты варить стал такие, что оторви да брось. Мертвячек привечаешь — тоже пусть их, хоть и не к добру это. Но отродье темной богини сызнава сюда тащить...

— Мне тоже радости ее видеть никакой нет, — стоял на своем я. — Но надо. Человека она убивает, понимаешь? И в этом есть моя вина. Ну да, человек тот, прямо скажем, так себе, но не настолько, чтобы я желал ему смерти.

— Предупреждал ведь я тогда тебя! — помахал у моего носа крючковатым пальцем подъездный. — Говорил! Но ты же неслух!

— Согласен, — понурил голову я. — Признаю. Но и ты пойми — что мне тогда известно было? Шиш да маленько. Вот и наломал дров, теперь исправлять надо. Вавила Силыч, ты бы с Кузьмичом перекинулся парой слов по этому поводу прямо сейчас, а? Чтобы в дальний ящик не откладывать. А то он опять со своей кувалдой примчится, зашибет еще кого по дороге.

— Этот может, — согласился Вавила Силыч. — И остальных за собой притащит.

— Вот потому и прошу тебя — предупреди их всех, что скоро гостя ко мне пожалует. Ненадолго, пусть не волнуются. Там разговора минут на пять — десять, не больше.

— Ты в этом уверен? — хмуро осведомился подъездный. — Мары — древнее зло, его так просто под лавку не загонишь. Один раз ты уже оплошал, с чего думаешь, что теперь все по-твоему выйдет?

— Времена меняются. — Я встал и подошел к окну. — Раньше мне хотелось жить так, чтобы, грешным делом, никого не обидеть.

— А теперь?